

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2

2020

Протоиерей Георгий Пименов

Развитие приходского приюта в Аньере при настоятельстве епископа Мефодия (Кульмана), 1935–1972 гг.

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10020

Аннотация: Статья посвящена одному из многочисленных старческих домов русского зарубежья, возникших прежде начала Второй мировой войны. В отличие от остальных, этот старческий дом в Розе-ан-Бри был основан и развивался при женской монашеской общине, монашеская молитва сопровождала его насельников ежедневно. Приведены сведения об условиях его создания, этапах существования, служивших в домовом храме священниках, о биографиях и деятельности игумении Мелании (Лихачевой) и других насельниц Воскресенской женской обители, опекавших насельников старческого дома в Розе-ан-Бри. Отмечается постоянное духовное окормление обители и приюта еп. Мефодием (Кульманом). Сведений об устройстве и функционировании известных на весь мир старческих домов русского зарубежья, за редким исключением, очень немного, еще меньше фактов о них систематизировано, концепций служения — осмыслено. Сбор материала для данной статьи имел целью отчасти восполнить этот пробел, предоставив в распоряжение исследователей сведения о «монашеском» старческом доме. При расширении современного милосердного служения Русской Православной Церкви есть возможность почерпнуть опыт его воплощения в истории социальных проектов русского зарубежья.

Ключевые слова: сочетание милосердного и монашеского служения, русская эмиграция, старческие дома во Франции, Розе-ан-Бри, игумения Мелания (Лихачева).

Об авторе: **Протоиерей Георгий (Юрий) Германович Пименов**

Магистр богословия, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: georg-pimen@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6794-751X>

Ссылка на статью: Пименов Г., прот. Развитие приходского приюта в Аньере при настоятельстве епископа Мефодия (Кульмана), 1935-1972 гг. // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 10–19.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2020

Archpriest George Pimenov

**The Development of the Parish Shelter in Asnières-sur-Seine,
under the Direction of Bishop Methodius (Kulman)
in 1935–1972**

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10020

Abstract: The article is dedicated to one of the many senile houses of the Russian Diaspora that appeared before the beginning of the World War II. Unlike the others, this senile house in Rosé-en-Brie was founded and developed by a female monastic community, and monastic prayer accompanied its inhabitants daily. Examined are the conditions of its creation, the stages of existence, the priests who served in the house church, the abbess activities of Melania (Likhacheva) and other residents of the Resurrection female monastery at the senile house in Rosé-en-Brie. And considered is the constant spiritual assistance of the cloister and orphanage by Bishop Methodius (Kulman). With rare exceptions there is very little information about the structure and functioning of the world-famous senile houses of the Russian Diaspora, and even fewer facts about them have been systematized, and concepts of service have been understood. The collection of material for this article was intended to fill this gap by providing researchers with information about the “monastic” senile house. With the Russian Orthodox Church’s modern charitable ministry expanding, it is possible to learn from the experience of its implementation in the history of social projects in the Russian Diaspora.

Keywords: combination of merciful and monastic service, Russian emigration, senile houses in France, Rosé-en-Brie, abbess Melania (Likhacheva).

About the author: **Archpriest George (Yuri) Germanovich Pimenov**

Master of Theology, Postgraduate student at the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: georg-pimen@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6794-751X>

Article link: Pimenov G., archpriest. The Development of the Parish Shelter in Asnières-sur-Seine, under the Direction of Bishop Methodius (Kulman) in 1935–1972. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 2, pp. 10–19.

Возникновение приходских приютов тесно связано с бедственным положением большинства русской эмиграции. Потерявшие социальное положение, работу, здоровье, Родину — русские в маленьких самодельных храмах находили небесное Отечество, друзей, сослуживцев. Одним из таких мест стал храм во имя Всемилоственного Спаса в Аньере под Парижем. Открывал его иеромонах Иоанн (Шаховской), будущий архиепископ Сан-Францисский, но уже через год, в 1932 г., настоятелем был прислан молодой выпускник Свято-Сергиевского богословского института иеромонах Мефодий (Кульман), прослуживший здесь всю свою жизнь, до 1974 г. При нем приход расцвел и наполнился молитвами, делами, детьми, прихожанами, приходскими изданиями и паломничествами.

Одним из таких дел было создание на третьем этаже церковного дома (это отдельный небольшой особняк у железнодорожных путей, на первом этаже размещался храм, на втором жил причт) общежития для неимущих женщин. Заботиться о приюте была назначена сестра милосердия Екатерина Любимовна Лихачева. Уже через год общежитие было переполнено и стали искать возможностей его расширения. В местечке Розе-ан-Бри нашли пустующий каменный дом, сдаваемый в аренду. Так следующим этапом развития приходского приюта стала дача и приют с монашеской общиной во главе с монахиней Меланией (Лихачевой). Как благословение свыше восприняли насельницы чудесное обновление (просветление) иконы Воскресения Христова с двенадцатыми праздниками в 1935 г., накануне освящения дома-приюта. В честь этого события был устроен храм Воскресения Христова, и позже приют стал называться женской Воскресенской обителью при старческом доме.

Матушка Мелания имела милосердный и заботливый характер. В обители шли ежедневные богослужения, позже она получила самостоятельный статус, но не теряла связи ни с Аньерским приходом, откуда приезжали пансионеры на летний отдых или на постоянное проживание, ни с отцом Мефодием, который часто приезжал служить.

Ищущие монашества девушки появлялись в Розе-ан-Бри. Так, будущая игумения Феодосия (инокиня Лидия (Соломянская)) несколько лет прожила с матушкой Меланией. Но путь слишком деятельного служения миру не подошел ей. Она с сестрой основала женскую монашескую общину в Муазен-ле-Гран, а затем Покровский монастырь в Бюсси-ан-От.

Специфическое положение Воскресенской обители при старческом доме отражало реальные потребности русской эмиграции в милосердном служении и именно в создании приютов для престарелых. Семейная и социальная обустроенность русских беженцев оставляла желать много лучшего. Разными путями появлялись старческие дома. Можно выделить три типа их создания: 1. Ктиторийский (Русский Дом в Сен-Женевьев-де-Буа, основанный княгиней Верой Кирилловной Мещерской, самый известный пример); 2. Организаторский, созданный Русским Красным Крестом, Земгором, Союзом русских военных инвалидов, или Толстовским фондом, или какой-либо организацией русской эмиграции; 3. Подвижнический, созданный по инициативе подвижника благочестия (например, общежитие на ул. Лурмель, 77, и Русский Дом в Нуази-ле-Гран, устроенные преподобномученицей Марией (Скобцовой)).

Очевидно, что детище игумении Мелании было близко к этому последнему типу создания приюта, так как ни богатого ктитора, ни сильной организации за спиной она не имела. Имела сострадание, имела опыт сестры милосердия Японской и Великой войны, имела благословение о. Мефодия и правящего архиерея. С этим запасом приют действовал почти 40 лет. После его закрытия чудотворная икона Воскресения и храмовая утварь вернулись в Аньерский храм.

Среди священников, служивших в Воскресенской обители, было немало замечательных личностей. До постройки своего Казанского скита в Муазен-ле-Гран в убежище м. Мелании приезжал архим. Евфимий (Вендт; 1894–1973). «Его монашеская аскеза выражалась в молитвенном подвиге, бдении, постничестве и изнурительном физическом труде. Иногда такая аскеза делает монаха суровым,

о. Евфимия же она просветлила добротой и благодушием, которое постоянно излучалось из его лица и согревало духовно беседующих с ним. Поэтому-то в числе его многочисленных духовных чад были люди столь разнообразными в смысле характера, положения и образования. Все они, говоря об их духовном отце, отмечали с в я т о с т ь, ему присущую. <...> В основу своего богословия, или еще лучше сказать, б о г а — с л а в и я, о. Евфимий клал живое религиозное виденье (умозрение), а не сухой реестр схоластических формул. <...> Нам... он представляется новым типом блаженного, Христа ради юродивого, на своих особых путях пытавшегося уразуметь и выразить Откровение» [Эйкалович, 1973, 91–93].

О себе о. Евфимий писал: «Военный беженец 1920-го года, в 1923 году непрощенный стипендиат Чехословацкого Государства, я вместе со многими другими оказался той рыбкой, которая попала в невод Р. С. Х. Движения. <...> Многих избранных, не буду называть их, я встретил на порогах Христианского Движения, но не ошибсь назвать перво-первым Отца Сергия Булгакова. Движение и было моим первым Университетом, который тогда благополучно надстраивался, наслаивался на моем, тогда основном по раннему избранию души, образовании техническом. Через десять чешских лет, в 1933-ем году, — безработный инженер, я — на Подворье Сергиевом, в ведении и ведении о. Сергия. Этот второй мой Университет, забрав меня целиком, со знаком „Единого на потребу“, не помешал мне, в учебное же трехлетие (курс был тогда трехлетний) совершить мутацию: после первого курса был я посвящен в диаконы, на втором курсе стал я иеромонахом, на третьем — настоятелем у монахини Марии, что и стало затем моим третьим Университетом: не приходское, ежедневное служение в храме самодельном, у монашек, пожизненное, составило мою священническую благодатную судьбу» [Вендт, 1971, 36–37]. Монахиня Мария — преподобномученица Мария (Скобцова; 1891–1954).

Больше других прослужил в Воскресенской обители архим. Авраамий (Терешкевич; 1900–1974), три периода его службы в ней составляют в совокупности 25 лет. Уроженец Санкт-Петербурга, он окончил Киевский кадетский корпус, воевал в Добровольческой армии. Места вынужденной эмиграции: Салоники, София (юридический факультет), Париж (Свято-Сергиевский богословский институт). Один из авторов парижской газеты «Россия».

Учась в Софии, Александр Николаевич Терешкевич провел несколько лет в кружке РСХД под мудрым руководством протоиерея Василия Антоновича Флоровского, родного отца Георгия Васильевича Флоровского. Отца Василия с большим теплом и благодарностью вспоминал его верный ученик: «о. Василий, пользуясь неоспоримым авторитетом среди собирающейся вокруг него молодежи, духовно перевоспитывал тех, кто в детстве и ранней юности лишь поверхностно соприкоснулся с церковной жизнью, спустя ряд лет, полных испытаний и лишений, скорбно вздохнул о том едином на потребу, от чего он был так далек. <...> Не щадя свои преклонные годы, всегда, когда ему позволяли это его старческие силы и многосторонние служебные обязанности, о. Василий приходил на зов ищущих его. Ему не препятствовали ни скверное трамвайное сообщение, ни дождь, ни слякоть. Под его руководством происходило изучение Евангелия» [Терешкевич, 1927, 28].

Александр Николаевич был в 1927 г. пострижен в монахи и рукоположен. Митрополит Евлогий говорит о нем как об умном, красноречивом и тактичном настоятеле, сумевшем в непростом шахтерском городке Южине сплотить прихожан. Следующим местом служения о. Авраамия была Северная Африка: Марокко, г. Рабат и г. Курига.

О настоятельнице Воскресенской женской обители при старческом доме в Розе-ан-Бри о. Авраамий написал такие слова: «Не было границ любви у матушки не только к своим близким, как она говорила, „моим старушкам“, но и ко всем нуждающимся знакомым и незнакомым, безразлично, как русским, так и французам. Когда был арестован и увезен в Германию местный мэр, матушка часто навещала его семью и приносила просфоры. Духовно поддерживала и вдову парижского врача, сын которого умер больным в заключении в Германии» [Семенова, 2012].

Восемь лет, с 1947 по 1955 г., прослужил в Воскресенской обители и приюте в Розе-ан-Бри священник Александр Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1890–1979), внук знаменитого географа, с 1971 г. епископ Зилонский. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета и офицерских курсов Пажеского корпуса, участник Первой мировой войны, офицер Добровольческой армии, в 1921 г. он нелегально перешел финскую границу, «потом через Берлин переехал в Париж. <...> Входил в круг общения Вл. Ходасевича, творчество которого ценил особенно высоко. Стихи его время от времени публиковались в эмигрантских изданиях (в том числе в „Современных записках“») [Семенов-Тянь-Шанский, Заднепровская, 2012, 478].

Архиеп. Иоанн (Шаховской) был многолетним другом и духовным наставником Александра Дмитриевича, «который именно по его побуждению поступил в парижский Свято-Сергиевский Богословский институт и позднее (в 1943 г.) принял священство» [Семенов-Тянь-Шанский, Заднепровская, 2012, 241].

Уже в сане епископа Александр Дмитриевич не оставлял совсем своего увлечения рисованием, хотя духовное творчество и служение заняло первое место. Он выпустил книги «Отец Иоанн Кронштадтский» (1955); Православный катехизис (1957); «Пути Христовы. Проповеди и статьи» (1970).

Слова о. Александра о христианской любви из его катехизиса вполне отражают его опыт встреч с делателями этой любви: о. Иоанном (Шаховским), митр. Владимиром (Тихоницким), еп. Мефодием (Кульманом) и другими подвижниками русской эмиграции: «Любовь всегда есть свободный акт; поэтому нельзя повелеть любить. К любви можно только призывать. Можно и зажечь любовь, но только своей любовью. Все, что нам надо знать о любви, чаще всего Господь открывал в образах, а образы — не веления, а призывы. Величайший образ любви и призыв к ней — Сам Господь» [Семенов-Тянь-Шанский, 119].

Очень важен отрывок из книги «Отец Иоанн Кронштадтский» о деятельном благочестии: «многие склонны считать православие формой христианства созерцательного, пассивного... в среде самих православных то и дело появляется стремление видеть весь смысл жизни в одном внутреннем совершенствовании. „Не должно, — пишет отец Иоанн, — спрашивать, нужно ли распространять Славу Божию пишущей рукой, или словесно, или добрыми делами. Это мы обязаны делать, по мере сил своих и возможности. Таланты надо употреблять в дело. Коли будешь задумываться об этом простом деле, то диавол, пожалуй, внушит тебе нелепость, что тебе надо иметь только внутреннее делание“» [Семенов-Тянь-Шанский, 2002, 238]. Эти слова отца Иоанна как нельзя лучше свидетельствуют делами игумении Мелании (Лихачевой) в старческом доме Розе-ан-Бри.

В 1957 г. настоятелем церкви Воскресенской обители был иеромонах Иоанн (Матси Петр; 1906–1960), из послушников Валаамского монастыря. Пройдя Псково-Печерский монастырь, сербский монастырь Высоки Дечани, Финскую войну как полковой священник, вернувшись в СССР — в советские тюрьмы и лагеря, он был в 1955 г. «выслан в Финляндию после вмешательства финского правительства» [Нивьер, 2007, 230–231]. Очевидно, что прошедшему такой трудный путь вынужденной эмиграции и даже вернувшемуся живым из советских лагерей, о. Иоанну было чем утешить и укрепить тружениц и насельников старческого дома в Розе-ан-Бри.

Игуменья Мелания (Екатерина Любимовна Лихачева; 1970–1949), была вначале руководительницей убежища для нуждающихся женщин в Аньере.

Она была человеком, исполненным жертвенности и всепрощающей любви. «В Петербурге она одновременно окончила и педагогические, и фельдшерские курсы. <...> В 1925 г. ... похоронив мужа, Екатерина Любимовна решила посвятить себя служению Церкви. Любимым ее делом было воспитание детей, но она отдалась заботе о престарелых и нередко повторяла: „Детей любят все, а стариками никто заниматься не хочет. Это не привлекает, именно поэтому следует заняться стариками“» [Гуляева, 2011, 91].

Воскресенская женская обитель была создана при старческом доме в Розе-ан-Бри. Митр. Евлогий (Георгиевский) вспоминал: «Была нанята, весьма дешево, усадьба

с садом и огородом. Летом превратили пустующую часть дома в „Дом отдыха“ преимущественно для прихожан Аньерского прихода. <...> Уклад жизни ввели полумонашеский. Ежедневно Литургии и молитвы до и после трапез. Успех „Дома отдыха“ превзошел все ожидания. <...> Способствовало... и отношение сестер к приезжим, преисполненное теплотой, добротой и лаской. <...> Потребность в таком тихом церковном приюте ощущается среди русских круглый год, и зимой, даже в самые глухие месяцы, там проживало несколько пансионеров» [Георгиевский, 1994, 443]. Нужно отметить, что у сестер Воскресенской обители часто имелось среднее медицинское образование.

Имея деятельный характер, пройдя фронты Русско-японской и Первой мировой войн в качестве сестры милосердия, игумения Мелания не одобряла путь аскетического созерцания. «Из аскетических писателей любила только Авву Дорофея и единственной монашеской добродетелью считала только послушание», — писал о ней архиеп. Василий (Кривошеин). Это привело к тому, что некоторые монахини покинули Воскресенскую обитель, как, например, монахиня Екатерина (Полухова) или будущая игумения Покровского монастыря м. Феодосия (Соломянская), искавшие более строгого монашеского жития. Нужно заметить, что образовавшийся таким образом Казанский скит в Муазен-ле-Гран тоже имел свой приют для русских беженцев и во время оккупации Франции содержал под видом пансионеров раненых солдат. Милосердное служение было всегда свойственно русскому монашеству, можно увидеть здесь и непосредственное преемство от м. Мелании. Матушка считала, что «вера без дел мертва», не любила излишней набожности, как могла, помогала всем. Во время войны в дополнительно снимаемых на лето комнатах скрывала еврейских женщин. Обо всех пансионерах очень заботилась, пища была хорошая, комнаты чистые. Тот домашний уют, который беженцы потеряли в России, они находили в тепле, уходе, монашеской молитве Воскресенской обители при старческом доме в Розе-ан-Бри.

Помощницами игумении Мелании были несколько сестер. Из них наиболее известны м. Феодосия (Соломянская; 1903–1992) и м. Дорофея (Куртен; 1903–1987).

Будущая игумения монастыря в Бюсси-ан-От Феодосия, сначала Дина Соломянц, после вынужденной эмиграции в Париж, «под влиянием религиозных кружков... в особенности о. Сергия Булгакова, перешла в православие и крестилась. Рано овдовев, стала послушницей в женской монашеской общине при церкви Всемилоственного Спаса в Аньере... переселившись затем в с. Розе-ан-Бри близ г. Мелэна... перешла в Казанскую женскую монашескую общину в Муазене-ле-Гран... (17.10.1938), пребывала в качестве медсестры у прот. Сергия Булгакова и у митр. Евлогия в последние дни их жизни» [Нивьер, 2007, 513–514].

Мать Феодосия засвидетельствовала просветление облика о. Сергия в последние часы его перед кончиной. Благодарность за свое рождение во Христе двигало его чадами и в последнем уходе за своим духовным отцом. А умение оказать медицинскую и санитарную помощь появилось у м. Феодосии из старческого дома в Розе-ан-Бри.

Игумения Дорофея (Куртен). Уроженка Москвы, тайно пострижена в рясофор в городе Кизилташ, в Крыму. В 1932 г. вынуждена эмигрировать. В 1936 г. была открыто пострижена в монашество. «Помогала игумении Мелании (Лихачевой) в управлении приютом для пожилых женщин в Розэ-ан-Бри. <...> В 1938 году вместе со своей старшей сестрой Евдокией (Мещеряковой) и монахинями Бландиной (Оболенской) и Феодосией (Соломянской) основала скит в честь Казанской иконы Божией Матери в Муазенэ-ле-Гран близ города Мелэна в 50 км от Парижа. <...> После того как в 1946 году большая часть общины переселилась в Бюсси-ан-От и основала Покровский женский монастырь, мать Дорофея осталась в скиту вместе с о. Евфимием. <...> Была возведена в сан игумении. Скончалась 24 ноября 1987 года в старческом доме Муазене-ле-Гран, похоронена на местном кладбище» [Древо].

Ее постриг после духовного перерождения, катализатором которого стало прочтение книги о. Александра Ельчанинова «Записи», совершил митр. Евлогий в Розе-ан-Бри у м. Мелании. Отец Сергей Булгаков писал ей: «Духовно был с Вами в день

Вашего пострига. <...> Не смущайтесь, если чувствуете, что старые греховные навыки остались с Вами. Не думайте, что монашеский постриг есть род духовного аэроплана, который уносит прямо в небо, оставляя грех нам, несчастным не монахам. <...> Сегодня видел вашу старицу и просил ее не изнурять Вас изрядно. Хорошо, что Вы имеете к ней такие добрые чувства. <...> Благодарю вас за приглашение на отдых, но пока о нем думать не приходится, да и предварительно нужно его заслужить. Призываю на Вас благословение Божие. С любовью о Господе, Ваш прот. С. Булгаков» [Гуляева, 2011, 94–96].

Приглашение на отдых говорит об использовании Убежища (приюта) в монашеской общине Розе-ан-Бри как дома летнего отдыха.

Монахиня Екатерина (Ксения Владимировна Полюхова; 1906–1982). «Родилась <...> в Севастополе в семье артиллерийского офицера. Училась в Харьковском институте благородных девиц. Вместе с институтом была эвакуирована в Югославию. Окончив институт, переехала в Брюссель для учебы на курсах сестер милосердия. Около 1939 г. поступила в женскую монашескую обитель в мест. Розе-ан-Бри (Франция), основанную игуменией Меланией (Лихачевой). После войны, в 1945 г., перешла в Московскую Патриархию. В 1946 г. ухаживала за больным митрополитом Евлогием (Георгиевским) до его кончины. Поселилась при монашеской общине Успенской церкви на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем и находившемся там русском старческом доме. Подвизалась там под духовным руководством архим. Софрония (Сахарова) и прот. Льва Липеровского. Приняла монашеский постриг с именем Екатерина. В 1958 г. переехала в г. Оксфорд (Великобритания) под духовное руководство архиеп. Василию (Кривошеину). В 1959 г., вслед за архиеп. Василием (Кривошеиным), ненадолго вернулась в Париж, а в 1968 г. переехала в Брюссель, где прислуживала в алтаре и читала на клиросе. Скончалась 25 сентября 1982 г. в Брюсселе. Похоронена на кладбище Ixelles в Бельгии» [Кривошеин, 1985, 209–217].

Достаточно подробное описание жизни в Розе-ан-Бри мы имеем благодаря биографии монахини Екатерины, написанной ее духовным отцом архиеп. Василием (Кривошеиным): «Обитель в Розе-ан-Бри была небольшой монашеской общиной в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского), тогда экзарха патриарха Константинопольского. В ней спасалось около пятнадцати монахинь и послушниц из русской эмигрантской среды с игуменией матерью Меланией (Лихачевой) во главе. При обители был приют для престарелых и больных женщин, сестры помимо ежедневных богослужений ухаживали за старушками, готовили всем пищу и, вообще, всецело обслуживали и кормили своими трудами всю обитель с приютом, что при тогдашней скудости и отсутствии социальной помощи в виде пенсий, как теперь, было очень трудно. Сестра Ксения, со свойственным ей самоотвержением и усердием, принялась за работу, готовила обеды на тридцать человек, мыла по одиннадцати раз пол, чтобы он „блистал“, и особенно ухаживала за больными, беспомощными и часто неопрятными старушками, за что они ее очень любили, были ей благодарны и, как говорится, „души в ней не чаяли“» [Кривошеин, 1985, 209–217]. В 1946 г., при разделении западноевропейской эмигрантской паствы на подчинение Московскому или Константинопольскому Патриархатам, монахиня Екатерина ушла из обители, прожив в ней до этого семь лет.

«На смену покинувших Розе-ан-Бри монахинь к м. Мелании прибыли новые сестры, и жизнь наладилась. В конце концов их число возросло до восемнадцати человек. Исполнилось бывшее у матушки Мелании дивное видение: когда-то ей явился преподобный Серафим Саровский и забросал четками „для ее монастыря“. Нельзя забывать, что роль игумении Мелании (Лихачевой) в западноевропейской русской епархии митрополита Евлогия была совсем особой. Она в своем роде явилась основательницей общежительного женского монашества, так как все последующие общины в некотором смысле исходили от созданной ею в Розе» [Гуляева, 2011, 114].

О многих насельницах и насельниках старческого дома, даже похороненных на местном кладбище, неизвестно ничего. Об одной остались скудные сведения. Монахиня Мария (Мария Игнатьевна Рытова; 1880–1961, Розе-ан-Бри). «Эмигрировала

во Францию. Насельница обители во имя иконы Божией Матери „Нечаянная Радость“, а с 1935 г. монашеской обители Воскресения Христова в селении Розе-ан-Бри в 50 км от Парижа» [Кривошеин, 1985, 209–217].

О приюте «Нечаянная радость» вспоминает митр. Евлогий. Как безуспешно он пытался подыскать священников и сестер своенравной настоятельнице, которая пыталась совместить строение женского монастыря и содержание приюта для девочек. Приглашала дам и детей на пансион через газету. Наконец уехала в Иерусалим. Игуменья Евгения (Елизавета Константиновна Митрофанова) заслужила добрые слова от митр. Евлогия за поддержку детей, а не за монашество: «М. Евгения не имела данных для основательницы монастыря; быть может, кое-кого из взыскующих монашеского пути она даже спугнула. Но все же 8 лет делала хорошее дело. Через приют прошло несколько сот девочек — самая-то беднота: брошенные дети, сироты, полусироты. <...> Содержала м. Евгения приют на свой счет и взимала плату минимальную, да и ту зачастую ей не платили или платили плохо и только частью. Девочки получали в „Нечаянной Радости“ хорошее воспитание, выходили из приюта скромные, благовоспитанные. Двух девочек м. Евгения устроила в швейцарские семьи, где их усыновили. Одну беззащитную девочку, которую католики хотели перевести в католичество, она отстояла. Нельзя умолчать, что многие из воспитанниц обители сохранили к м. Евгении доброе, благодарное чувство» [Георгиевский, 1994, 516–517].

После нервной и беспокойной жизни в приюте «Нечаянная Радость» спокойная, трудовая и заботливая обстановка у м. Мелании была тихой пристанью для м. Марии, в которой она, должно быть, и осталась до конца своих дней.

Убежище в Розе-ан-Бри не было известно знаменитыми пансионерами. Русский дом в Нуази-ле-Гран известен поэтом Константином Бальмонтом, старческий дом в Ганьи — Ириной Одовецкой, Русский дом в Ментоне — внучкой Достоевского Екатериной. Поэт Виктор Мамченко провел 12 лет в Доме Русского Красного Креста в г. Шелль. Рядом с надгробием игуменьи Мелании на кладбище в Розе-ан-Бри — три десятка безвестных русских могил. Одна из них принадлежит игуменье Олимпиаде (Болотовой), помощнице еп. Нестора (Анисимова) по Дому милосердия в Харбине. «Благодарю... иконописную мастерскую Дома Милосердия во главе с инокиней Олимпиадой за поднесение иконы „Скоропослушница“, — пишет еп. Нестор в благодарственном письме всем, кто «принял доброе, ласковое участие в оказании внимания Дому Милосердия с его насельниками» и ему лично [Анисимов, 2005, 278–282].

«Не блещет особой красотой снаружи, но прекрасна по своему внутреннему убранству наша церковь Дома Милосердия в честь иконы Божией Матери „Всех скорбящих Радосте“, художественно украшенная иконописью из собственной иконописной мастерской» [Анисимов, 2005, 243].

Игуменья Олимпиада (Ольга Болотова; 1880–1964), иконописец. «С детских лет воспитывалась в Вятском девичьем монастыре, где получила азы иконописи. После революции уехала на Дальний Восток и поступила в женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Линевицы в Приморском крае. В 1930-м бежала в Китай и поселилась в Харбине. Инокиня, а затем игуменья Скорбященской обители харбинского Дома милосердия, под попечением которой находились дети и престарелые обитатели приюта. Основательница и руководительница иконописной школы для детей. Принимала активное участие в писании икон для Часовни-памятника императору Николаю II и югославскому королю Александру I в Харбине. Исполнила, в частности, большую икону Святого Распятия Христова и надпись в тимпане „Господи, прости им: не ведают бо, что творят“ (в нише на восточном фасаде). В конце 1950-х переехала во Францию. Жила в доме для престарелых в Розе-ан-Бри, где и скончалась» [Левашко, 2011].

Этапами милосердного служения Аньерского прихода в деле создания приюта для престарелых было создание общежития для одиноких пожилых женщин в самом приходе, затем аренда большого дома с садом и огородом в 50 км от Парижа, затем создание при нем женской монашеской обители. И главной особенностью этой обители стала ее социальная деятельность.

Обновление иконы Воскресения Христова накануне освящения обители в 1935 г. было добрым предзнаменованием делу милосердия и монашества в Розе-ан-Бри. Общее руководство осуществлял о. Мефодий (Кульман), с 1953 г. епископ. Руководили убежищем для престарелых «директрисы: м. Мелания, м. Серафима, К. А. Родзянко, В. И. Гукасова, Е. Р. Линде» [Беклемишев, 1957, 56]. Описание первоначальной обстановки старческого дома сохранилось в двух книгах: «Игуменья Евдокия» мон. Силуаны (Гуляевой) и в Юбилейном сборнике Прихода храма Христа Спасителя в Аньере (1932–1957), составленном П. А. Беклемишевым.

Причины продолжения работы старческих домов в русской эмиграции были следующие: их поддержка государственными средствами, переход к помощи не только русским пансионерам, но и всем желающим, сохранение преемства в руководстве, продолжение заинтересованного участия русских эмигрантских организаций. Современную жизнь старческих домов можно видеть в Сент-Женевьев-де-Буа или в Русском доме Земгора в Кормей-ан-Паризи. Старческие дома, основанные отдельными подвижниками, выполнив свою задачу помощи русским пожилым бессемейным беженцам, закрылись. Например, старческий дом в скиту Казанской иконы Божией Матери в Муазене-ле-Гран, открытый в 1946 г., закрылся в 1980-х гг. по причине обветшания жилого фонда. До сих пор действуют Толстовская ферма в Нью-Йорке и Сергиевская обитель милосердия в Кабраматте, открытые уже деятелями милосердия второй волны русской эмиграции.

Особенностью старческого дома в Розе-ан-Бри была ежедневная монашеская молитва, чего не было в других Русских домах русского зарубежья. Повсеместно были свои храмы и часовни, в крайнем случае ходили молиться в ближайшую церковь.

Обстановку пансионеров в этих учреждениях русского милосердия передают уже изданные воспоминания. Например: «Письма из Maison Russe. Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции». Это письма из старческого дома в Ментоне. Или глава «В „Русском доме“ актрисы Дины Кировой в ее книге «Мой путь служения театру», в которой говорится о Сент-Женевьев-де-Буа.

Известный исследователь русской эмиграции Ренэ Герра десятилетие назад писал: «Практически, литературы о старческих домах до сих пор нет. В книгах о русской эмиграции, которые сейчас выходят в таком невероятном количестве, старческим домам тоже места пока не уделено. А жаль, ведь эта тема очень большая, сугубо „русская“» [Герра, 2009]. Сбор материала для данной статьи имел целью хоть в какой-то степени восполнить этот пробел, предоставив в распоряжение исследователей сведения о «монашеском» старческом доме.

При расширении современного милосердного служения Русской Православной Церкви есть возможность почерпнуть опыт его воплощения в истории социальных проектов русского зарубежья. Деятельность храма Христа Спасителя в Аньере, его неутомимого настоятеля, его инициативных тружеников может нам помочь и сегодня.

Источники и литература

1. Анисимов (2005) — *Нестор (Анисимов), митр.* Вернувшийся домой. Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). М.: ПСТГУ. 2005. Т. II.
2. Беклемишев (1957) — *Беклемишев П. А.* Приход храма Христа Спасителя в Аньере. 1932–1957. Юбилейный сборник. Издание Прихода Храма Христа Спасителя. 1957. С. 56.
3. Вендт (1971) — *Евфимий (Вендт), архим.* RELATIO RELIGARE // Вестник РСХД. 1971. № 101–102. С. 36–37.
4. Георгиевский (1994) — *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий, 1994.

5. Герра (2009) — *Герра Р.* Соль земли. Роль и место старческих домов в культурном наследии белой эмиграции. URL: <http://www.inieberega.ru/node/212> (дата обращения: 04.03.2020).
6. Гуляева (2011) — *Силуана (Гуляева), мон.* Игуменья Евдокия. Жизнеописание монахини Евдокии, игуменьи Покровского монастыря в Бюсси-ан-От. М., 2011.
7. Древо — Дорофея (Куртен) // Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/23467.html> (дата обращения: 04.03.2020).
8. Кривошеин (1985) — *Василий (Кривошеин), архиеп.* Монахиня мать Екатерина (1906–1982): Опыт духовной биографии // Вестник Русского Западно-Европейского патриаршего экзархата. 1985. № 114.
9. Лешко (2011) — *Лешко С. С.* Болотова Ольга (игуменья Олимпиада). URL: <https://artz.ru/menu/1804645939/1804896115.html> (дата обращения: 04.03.2020).
10. Нивьер (2007) — *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. Москва: Русский Путь; Париж: YMKA-Press, 2007.
11. Семенов-Тянь-Шанский — *Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп.* Православный катехизис. 2-е изд. / Секретариат Татьяны Горичевой. [Б. м., Б. г.]. С. 119.
12. Семенов-Тянь-Шанский (2002) — *Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп.* Отец Иоанн Кронштадтский. Клин: Фонд Христианская жизнь, 2002. С. 238.
13. Семенов-Тянь-Шанский, Заднепровская (2012) — *Семенов-Тянь-Шанский М. Я., Заднепровская А. Н.* Письма больше, чем воспоминания... Из переписки семьи Семеновых-Тянь-Шанских и сестер А. П. и В. П. Шнейдер. М.: Новый Хронограф, 2012.
14. Семенова (2012) — *Семенова С. Ю.* Русский дом под Парижем. URL: <http://rus-istoria.ru/component/k2/item/119-russkiy-dom-pod-parizhem> (дата обращения: 04.03.2020).
15. Терешкевич (1927) — *Авраамий (Терешкевич), архим.* Памятный день Софийского православного кружка // Вестник РСХД. 1927. № 12. С. 28.
16. Эйкалович (1973) — *Геннадий (Эйкалович), игум.* Развернутый иероглиф. Памяти архим. Евфимия Вендта (1889–1973) // Вестник РСХД. 1973. № 107. С. 91–93.